

ОППОЗИЦИИ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ МОДАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. Иванов

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД Российской Федерации, г. Москва*

В статье развивается семиотический взгляд на проблему модальности в языке, предлагается последовательная иерархия модальностей, включающая два уровня: референциальный и прагматический. Каждый уровень основывается на категориальной антиномии: 1) референции и предикации и 2) адресации и авторизации знака. Любая модальность предполагает ослабление референциального начала и, напротив, усиление авторизации знака. В португальском языке маркерами видов модальности являются артикли, дейктические местоимения, временные формы и формы наклонения глаголов.

Ключевые слова: модальность, референция, предикация, авторизация знака, адресация знака, дефактуализация.

I

Если правы философы, утверждающие, что «язык – это дом бытия» (М. Хайдеггер), то почему бы и лингвистам вслед за философами не задуматься о порядке и условиях, в соответствии с которыми бытие получает «вид на жительство» в языковом знаке. Известный философский постулат, помимо всего прочего, нуждается в лингвистическом обосновании. Семиотизация бытия обратной своей стороной имеет семиотизацию субъекта (семиотизацию личности). Пассивное и активное начала семиозиса, семиотизируемое (бытие) и семиотизирующее (субъект), встречаются в семантическом пространстве знака, застывая в некотором феноменологическом равновесии в порядке выполнения номинативной функции языка в речевом узусе.

В семиотическом анализе языкового знака в речевом узусе важно обращать внимание не только на объективную (явную), но и на субъективную (неявную) сторону семиозиса. Семиотизируемое (объективное) и семиотизирующее (субъективное) начала семиозиса бесконечно связаны, переплетены и, вместе с тем, различены, противопоставлены друг другу в опыте речевой актуализации языкового знака. Усиление или специализация одной из сторон необходимо влечет за собой трансформацию другой, противоположной. Выражением сложной диалектической связи двух начал в масштабе высказывания является координированная иерархия двух оппозиций: 1) референции и предикации (в аспекте диктума) и 2) адресации и авторизации (в аспекте модуса). Две оппозиции тесно взаимосвязаны, вторую можно считать развитием и продолжением первой. В масштабе каждой из оппозиций достигается некоторый предел речевой феноменологии языкового знака. В одном случае можно говорить об объективной истинностной феноменологии, в другом – о субъективной прагматической феноменологии знака.

В смысловом пространстве первой оппозиции знак мыслится как чистый, т. е. не отражающий условий бытия субъекта, инструмент познания/понимания объекта. Объект как бы сам, помимо воли субъекта, открывает последнему свои свойства в знаке. В этом масштабе своей речевой феноменологии знак не подотчетен субъекту: в нем не представлено самосознание субъекта. Такой знак можно определить как субъективно индифферентный: мы видим чистый результат познания, но не знаем, каков был путь к этому результату.

Высшей точкой семантического становления знака в масштабе первой оппозиции является референция. Языковой знак в речевом узусе, реализуя акт референции, превращается в *имя* реальности. Впрочем, важно помнить, что референция языкового знака достигает своей вершины ближайшим образом лишь в структуре предложения, где она соотносится с критерием предикации, опирается на него. Связь референции и предикации в речевом семиозисе следует рассматривать как необходимую¹.

Надо сказать, что в терминологическом аппарате лингвистики обе категории – референция и предикация – используются, чтобы характеризовать отнесенность языкового знака к объекту при его актуализации в речи, и в известном смысле дублируют друг друга. Но если в референции нам открывается окончание, вершина семиозиса, то через предикацию семиозис соотносится со своим началом, т. е. с субъектом. Предикация является показателем формальной принадлежности выра-

¹ Мы считаем, что функционально референцию, в ее полном семиотическом понимании, следует проводить не от знака к объекту, а от субъекта к объекту через свойства знака, свойства символической формы [4, с. 14, 220].

жаемой в высказывании мысли субъекту². В целом, предикация расширяет масштаб деятельности интерпретации семиозиса, дает референции смысловую точку опоры, связывая ее с субъектом семиотического действия. Благодаря предикации референция получает смысловую направленность, становится ориентированной по смыслу референцией. Предикация служит истинностным критерием понимания референции и основой для дальнейших смысловых модализаций знака.

II

В границах первой оппозиции на базе предикации формируются различные виды алетических (объективных) модальностей: ассерторическая, проблематическая, аподиктическая, которые можно рассматривать как когнитивные модусы понимания; соответственно, модус истинности (объективной данности), модус возможности, модус необходимости (долженствования). Феноменологически здесь первенствует объект, который открывается субъекту в том или ином истинностном приближении, степени своей объективной данности. Позиция субъекта при этом не дифференцируется, не претерпевает изменений.

С формальной точки зрения дифференциация типов глагольной модальности развивается антинормически: какой-то из модусов ослабляет истинностное значение высказывания, какой-то, напротив, его усиливает. Ослабляющая истинностное значение модальность – модальность возможности, усиливающая модальность – модальность долженствования. В качестве критерия такого разграничения двух модальностей принимается логический закон исключенного третьего: возможность допускает альтернативу, необходимость понимается безальтернативно.

В семантике языкового знака ослабление истинностного значения мы рассматриваем как ослабление референции. Референция, вершина феноменологического становления знака в речевом узусе, имеет фактуализирующий статус. Говорящий указывает на то, что *для него* является объективной данностью, т. е. фактом бытия (отрицательно истина бытия объекта выражает истину бытия субъекта³).

В речи, однако, значение модусов нередко утрачивает логическую определенность, Разница между долженствованием и возможностью снимается: должное (как и возможное) еще не есть факт. С позиций фактической констатации получается, что какой бы из двух модальностей мы ни воспользовались, мы можем добиться лишь ослабления референции, т. е. ее *де-фактуализации*⁴. Язык

сам показывает такого рода индифференцированность в синонимическом использовании глаголов *poder* (мочь) и *dever* (иметь необходимость, быть должным): *Ele pode ter dormido pouco hoje (Возможно, он сегодня мало спал) = Ele deve ter dormido pouco hoje (Должно быть, он сегодня мало спал).*

Модализация – во многом грамматическое явление. Нас в первую очередь интересуют наиболее устойчивые грамматические формы выражения модальности в языке. В объеме объективной модальной семантики (т. е. в рамках оппозиции референция – предикация) выделяются дейктические и предикативные маркеры модальности. В португальском языке к первым мы, прежде всего, относим артикли, ко вторым – формы глагольных наклонений. И там, и там выделяются внутренние оппозиции между формами, устанавливающими референцию, и формами, ослабляющими ее. В первом случае это – оппозиция между артиклевой и безартиклевой номинациями, во втором – оппозиция между *Modo Indicativo* и *Modo Conjuntivo*.

Артикль – наиболее сложная форма детерминации существительного, которая может рассматриваться с различных точек зрения. Мы принимаем в качестве основного референциальный критерий. Определенный артикль – показатель сильной, определенной референции. Именуемая реальность понимается как факт. Опускание артикля, напротив, де-фактуализирует имя. Объект перестает рассматриваться как данность, как факт, мыслится виртуально, в возможности. Имя без артикля не столько идентифицирует объект, сколько характеризует. Возникает эффект десубстантивации существительного, его функционального сдвига в сторону другой части речи: прилагательного или глагола.

“As autoridades Romenas dizem que podem permitir no futuro visita do ex-rei ao país” («Власти Румынии заявляют, что в будущем могут позволить бывшему королю Румынии посетить страну»). В переводе эквиваленты выделены курсивом. Речь идет о том, что бывшему королю Румынии не позволили вернуться в страну из эмиграции. При этом власти, чтобы их отказ не выглядел слишком резко, допускают возможность приезда бывшего короля в страну. Ключевое слово “visita” стоит без артикля. Это не случайно. Речь идет о принципиальной возможности посетить страну. Если бы это слово было употреблено с определенным артиклем “a visita” или неопределенным артиклем “uma visita”, то это бы меняло функцию обозначения и смысл всего высказывания: “uma visita” – означало бы, что речь идет всего об одном визите, который в будущем будет разрешен бывшему королю; “a visita” – означало бы, что речь идет о конкретном визите, о котором уже какое-то время идет речь

человеческого опыта: событие, осмысленное в контексте человеческого опыта [1, с. 385–390].

² «...функция предикации, выражая «сказуемое» о мире, принадлежит говорящему субъекту» [1, с. 10].

³ М. Хайдеггер видел в этой отношении основание всякой истины [3, с. 138].

⁴ Термин *факт*, вслед за Н.Д. Арутюновой, мы трактуем как внешнюю реальность, понятую в контексте

как об ожидаемом событии. Говорящий здесь, думается, намеренно пользуется этим средством смыслового маневра, сохраняя нужную степень неопределенности.

“A ideia de criação do OPEP do gás não é (1) *iniciativa nossa*, é (2) *a/uma iniciativa dos nossos parceiros*” (вариант перевода интервью Д.А. Медведева: «Идея создания газового ОПЕК – это (1) не наша *инициатива*, это (2) *инициатива* наших партнеров»). В первом случае (1) употребление определенного или неопределенного артикля при слове “*iniciativa*” прагматически нежелательно, поскольку в такой форме номинация раскрывает именуемое как факт, что как раз и пытается отрицать говорящий. Во втором случае (2) (“*a/uma iniciativa*”) использование артикля как раз подчеркивает фактичность именуемого события, чего и добивается говорящий. Имея в виду случаи безартикульной номинации, Н.Д. Арутюнова говорит о «нереферентном употреблении имени» [1, с. 10–95].

Опущение артикля часто используется как средство рематизации, служащее переносу рематического акцента в середину или в начало высказывания без изменения порядка слов: “*Polémica está a causar a marcação de reunião da Assembleia Municipal para o dia 31*” («*Полемике* вызвало также назначение даты заседания муниципальной ассамблеи на 31 число»). “*Soluções precisam de ser encontradas...*” («Должны быть найдены *какие-то* решения...»).

Характерное средство ослабления референции в масштабе предложения – глагольная форма *Modo Conjuntivo*. Обозначаемая реальность дефактуализируется. Часто это происходит вследствие подчинения представления о ней мнению, которое становится внешним условием реальности обозначаемого действия как факта. “*Ele nega/ duvida/ espera/ suspeita que tudo tenha sido assim /seja assim*” («Он *отрицает/ сомневается/ надеется/ подозревает*, что все было так/есть так/будет так/»).

Встречается использование *Modo Conjuntivo* с нарушением формальной грамматики – как средства направленной де-фактуализации, т. е. так, чтобы подчеркнуть, что обозначаемое действие в чьем-то понимании не является фактом. “*Os especialistas do Estado Maior General negam que tenham realizado* busca de dispositivos de escuta no palácio presidencial*” («Специалисты из Генерального штаба *отрицают*, что *проводили поиск* подслушивающих устройств в президентском дворце»). Поскольку отрицаемое действие касается субъекта мнения, то по правилам грамматики после отрицания должна следовать конструкция со спрягаемым инфинитивом: “...*negam terem realizado* busca de dispositivos de escuta...”. Однако использование конструкции со спрягаемым инфинитивом, отвечающей правилам грамматики, как раз здесь оказывается нежелательным. Дело в том, что специалисты из Генштаба дают ответ на вопрос журналистов, которые хотят

узнать: проводился или не проводился поиск подслушивающих устройств в президентском дворце. Употребляя *Modo Conjuntivo*, специалисты из Генштаба хотят показать, что не только не участвовали в поиске таких устройств, но и вообще никакого поиска как факта, возможно, не было (по крайней мере, они ничего об этом не знают). Использование нормативно правильной конструкции со спрягаемым инфинитивом означало бы, что «поиск подслушивающих устройств кем-то проводился, но специалисты из Генштаба в нем не участвовали».

Приведенные примеры показывают, что показатели ослабления референции – важное средство смыслового маневра в предложении.

III

В процессе дальнейшей специализации речевого семиозиса первичная семиотическая оппозиция «референция – предикация» (оппозиция истинностного императива понимания) сменяется (или дополняется) более широкой – вторичной прагматической оппозицией (оппозицией прагматического модуса/ракурса понимания), в рамках которой друг другу противостоят категории адресации и авторизации. На этом уровне можно говорить о специальной, субъективно-дифференцированной феноменологии языкового знака. В этом масштабе своего феноменологического становления языковой знак обретает способность отображать субъективную сторону понимания объекта. Знак как инструмент сознательной деятельности субъекта, не теряя при этом своих предметно-семантических оснований, становится также инструментом самосознающей деятельности субъекта. В смысловом пространстве вторичной оппозиции образуются различные эпистемические модальности: степень правдоподобия, степень очевидности, субъективная уверенность, сомнение и т. д. Если в рамках первичной оппозиции устанавливается фактическая отнесенность знака к объекту, то в рамках вторичной оппозиции первенствует прагматическая обращенность языкового знака к другому субъекту в условиях коммуникации.

Переход от первой оппозиции ко второй, от диктума к модусу, в целом означает *усиление* субъективной принадлежности знака, его дальнейшую субъективную специализацию⁵. Ш. Балли склонен трактовать модус как внеположную по

⁵ Ю.С. Степанов предлагает изменить трактовку прагматической функции выражения и рассматривать ее не с позиций слушающего, а с позиций говорящего. Главное в прагматике – присвоение выражения субъектом речи. Поэтому предлагается заменить сам термин “прагматика” на термин “дектика” (от греч. “могущий вместить или принять в себя”): “Все наталкивает на то, чтобы в названии этой координаты языка отразить *ее* главное свойство – отношение языка к говорящему (курсив наш – Н. И.), заключающееся в *присвоении* себе языка в момент – и на момент – речи. ... Таким образом, названием всей координаты, всего данного измерения языка будет *дектика*” [5, с. 224].

отношению к диктуму категорию, говоря об относительной независимости модуса, о различных формах «вхождения модуса в диктум» [2, с. 54–55]. Н.Д. Арутюнова рассматривает модус и диктум как органично связанные аспекты пропозиции [1, с. 409]. Диктум изначально мотивирован со стороны модуса (при том, что семантически сам модус произведен от диктума: его можно представить как простое усложнение диктума). Логично говорить не о «вхождении» или привнесении прагматического модального значения в структуру пропозиции, а о выразительном *выдвижении* модуса в диктальной структуре. Субъект как бы выходит «из тени», обнаруживая ту или иную степень своего присутствия в выбираемом способе диктального представления мысли. Предикация, формально отсылающая нас к субъекту как исходной позиции понимания, в результате своего модального развития, все больше авторизуется, становится выражением точки зрения субъекта на описываемую ситуацию. Модус, со своей стороны, изначально связан в плане выражения с диктумом, не имея какой-то иной формы для своего внешнего проявления. Отсюда любое выдвижение модуса (его предикативное развитие) сопровождается референциальным усложнением диктума.

Преемственность перехода от первой оппозиции ко второй, с одной стороны, можно видеть в том, что в каждом из аспектов критерием истины и вершиной понимания объекта является субъект. В масштабе диктума субъект представлен имплицитно и недифференцированно. Он как бы «из-за кадра» задает общую точку зрения, ракурс понимания объекта (через категории времени, наклонения, залога, артиклевые или местоименные формы номинации и т. д.). В аспекте прагматического модуса, напротив, субъект дифференцирует свое видение объекта путем усиления или ослабления статуса его очевидности, достоверности, выдвигая на первый план мнение (свое или чужое) как условие возможного признания или непризнания истины. В рамках второй оппозиции первенствует субъект, который «заявляет о себе», устанавливая тот или иной модус истинностной очевидности, т. е. достоверности своего знания об объекте.

Каждый язык обладает специфическим набором средств прагматической адресации знака, за которыми открываются соответствующие критерии его авторизации в условиях речевого узуса. В португальском языке на грамматическом уровне выделяются а) субстантивные индикаторы адресации (указательные местоимения) и б) глагольные индикаторы адресации (формы простого будущего времени и условного наклонения). Первые можно назвать номинативно-дейктическими средствами адресации, вторые – средствами предикативной адресации.

Для португальского весьма характерно смысловое различие указательных местоимений *isto/este* и *isso/esse*. *Isto/este* означают «это/этот –

мой, ближайший ко мне», *isso/esse* – «это/этот – не мой, удаленный от меня». Напр., преподаватель, держа в руках некоторый предмет и показывая его ученику, может спросить: “Que é isto?” («Что это?»): имеется в виду, что преподаватель ждет правильного ответа от ученика. Или, видя некий предмет, лежащий на столе у ученика, тот же преподаватель может спросить: “Que é isso?” («Что это?»): имеется в виду, что преподаватель не знает или недоволен тем, что лежит у ученика на столе. Другой пример: входя в класс и видя беспорядок, созданный учениками, преподаватель может спросить: “Que porcaria é essa?” («Что это за свинство?»). Спросить “Que porcaria é esta?!” вряд ли будет правильно, поскольку будет понято так, что преподаватель ассоциирует то, что он именуется “porcaria”, с собой. В этих случаях мы видим характерные способы «приближающего» или «отдаляющего» номинативного указания в португальском языке.

К предикативным средствам адресации в португальском языке мы, прежде всего, относим глагольные формы простого будущего времени (Futuro Simples) и условного наклонения (Condicional). Эти формы в своей модальной функции используются для косвенного выражения субъективной уверенности/неуверенности говорящего в реальности обозначаемого события. Соответственно, повышается/понижается степень очевидности события с точки зрения говорящего. Приблизительными функциональными аналогами такого рода грамматических форм в русском языке могут быть модальные частицы «наверняка» и «якобы». “Os representantes dos rebeldes terão prometido a realização de eleições livres e justas na Líbia” («Представители повстанцев /no всей видимости/ пообещали проведение открытых и честных выборов...»). Говорящий здесь выражает то, что с его точки зрения является наиболее очевидным, как, *скорее всего*, должны были поступить «представители повстанцев». “O porta-voz desmentiu as informações de que Kagame teria ameaçado retirar suas tropas da missão de paz em Darfur...” («Пресс-секретарь опроверг информацию о том, что, /президент Уганды/ Кагаме якобы угрожал вывести свои войска из миротворческой миссии /ООН/ в Дарфуре...»). “Fomos ao semitério e pedimos mostrar civis que teriam morrido nestes ataques...” («Мы пошли на кладбище и попросили показать могилы гражданских лиц, которые /как утверждалось/ погибли в ходе этих ударов»). Данные глагольные средства используются для гибкого смыслового «маневра» при описании событий, в которых что-то раскрывается как очевидное с точки зрения говорящего, а что-то – как менее очевидное, как косвенное выражение чужой точки зрения.

Отметим, что использование повышающего субъективную степень очевидности глагольного маркера (Futuro Simples) подразумевает возмож-

ность иного отношения к описываемому событию другого коммуниканта, к которому обращена речь. Напротив, выражая косвенным образом чужую точку зрения на событие (Condicional), говорящий подразумевает то, что он сам не вполне уверен в очевидности данного события. Напр.: “A Casa Branca informou que uma tempestade de poeira e vento... *tornaria* impossível um deslocamento de Obama por helicóptero de Bagram a Cabul” («Источники/ в Белом доме сообщают, что сильный ветер и пыльная буря *сделали /якобы/* невозможным перелет Обамы на вертолете из Баграма в Кабул»).

Таким образом, при помощи форм Futuro Simples и Condicional выражаются два взаимоисключающих модуса очевидности. Первая грамматическая форма может использоваться как сигнал повышения степени очевидности обозначаемого события для говорящего, вторая – как сигнал понижения степени очевидности.

Как в случае с субстантивными индикаторами адресации, так и в случае с глагольными индикаторами адресации имеет место «приближение» или «отдаление» говорящим субъектом собственной позиции понимания от описываемого/ обозначаемого факта/события. В том и в другом случае, говорящий предлагает собственное видение описываемой реальности другому субъекту – участнику коммуникации.

Отметим, что адрес, адресация – глубоко семиотическая категория. Функция адресации является исключительным атрибутом языкового знака, что, собственно, отличает его от более примитивных семиотических форм, в частности, от символа, который такой способностью не обладает. Символ – «безадресатен и некоммуникативен» [1, с. 344]. Адресация означает предельно дифференцированную отнесенность знака к объекту, в которой открывается не только фактическая сторона такой отнесенности, но и ее смысловая специфика, отражающая связь знака с коммуникативными и прагматическими условиями речи.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. *Язык и мир человека* / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 896 с.
2. Балли, Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка* / Ш. Балли. – М.: УРСС, 2001. – 416 с.
3. Бимель, В. *Мартин Хайдеггер* / В. Бимель. – Челябинск: Урал LTD, 1998. – 296 с.
4. Иванов, Н.В. *Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: дис. ... д-ра филол. наук* / Н.В. Иванов. – М., 2002. – 377 с.
5. Степанов, Ю.С. *В трехмерном пространстве языка* / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985 – 335 с.

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (Москва), enickma@post.ru

Поступила в редакцию 9 декабря 2014 г.

OPPOSITIONS OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE MODAL MARKERS IN PORTUGUESE

N.V. Ivanov, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Moscow, Russian Federation, enickma@post.ru

The article develops a semiotic view on modality in a language trying to build a gradual hierarchy of modalities comprising two levels – the referential and the pragmatic one. Each modality level is based on an antinomy of categories graduating modality depth 1) between the reference and the predication or 2) between the communicative address and the author, respectively. Generally, any modality means an attenuation of the sign's reference and a reinforcement of the authorial acquisition of the sign. Articles, deictic pronouns, verbal tenses and moods are the markers of modalities in Portuguese.

Keywords: modality, reference, predication, sign address, authorial acquisition of the sign, defactualization.

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, 896 p.
2. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and French Language Questions]. Moscow, URSS Publ., 2001, 416 p.
3. Bimel' V. *Martin Khaydegger*. Chelyabinsk, Ural LTD, 1998, 296 p.
4. Ivanov N.V. *Simvolicheskaya funktsiya yazyka v aspektakh semiogeneza i semiozisa* [The Symbolic Function of Language in the aspects of Semiogenesis and Semiosis]. Diss. Doc. philol. sci. Moscow, 2002, 377 p.
5. Stepanov Yu.S. *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In 3D Space of Language]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 335 p.

Received 9 December 2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванов, Н.В. Оппозиции объективных и субъективных модальных маркеров в португальском языке / Н.В. Иванов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 9–14.

REFERENCE TO ARTICLE

Ivanov N.V. Oppositions of objective and subjective modal markers in portuguese. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 1, pp. 9–14. (in Russ.)